

УДК 811.512.145

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
АФФИКСЫ В СТРУКТУРЕ ТЮРКСКИХ ЛЕКСЕМ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА***А.Р. Рахимова***Аннотация**

Статья посвящена изучению иноязычных аффиксов, которые участвуют в образовании тюркской лексики, характеризующей человека. В ходе анализа лексики татарского языка в сравнении с другими тюркскими языками выявлено 7 аффиксов, в том числе 3 форманта, ранее считавшиеся невычленимыми (-*гай*, -*бэт*, -*мал*). Установлено, что 6 аффиксов являются словообразовательными и в языке-источнике, а 1 формант (-*бэт*) функционирует в качестве самостоятельной лексемы. Показано, что иноязычные аффиксы занимают незначительное место в образовании слов, характеризующих человека. Относительно продуктивным среди них является формант -*гай*, имеющий генетическую связь с монгольским языком.

Ключевые слова: тюркские языки, словообразование, иноязычный аффикс, характеристика человека, диалектальные лексемы.

При характеристике человека употребляются лексические единицы, являющиеся в основном именами прилагательными или существительными, а также фразеологические единицы. Часть слов, характеризующих человека, составляют тюркские корневые лексемы (*ят* 'чужой', *жср* 'шутливый, острословный, бойкий на язык', *яшь* 'молодой', тат. д. *чос* 'ловкий; бдительный' и т. п.) и сложные слова (*яшүсмер* 'подросток', *йорттотмас* 'бесхозяйственный', *тома сукыр* 'совершенно слепой', тат. д. *зэгъиф-зэнкэр* 'слабый, немощный' и др.). Основной массив, однако, содержит производные лексемы, являющиеся предметом настоящего исследования. В образовании лексем, характеризующих человека, в татарском языке употребляется немало количество продуктивных и полупродуктивных генетически тюркских аффиксов. Они были рассмотрены нами в отдельной статье [1]. Настоящая работа является её продолжением и посвящена аффиксам иноязычного происхождения, которые образуют лексемы татарского языка, употребляющиеся для характеристики человека.

Вопрос о словообразовательных аффиксах иноязычного происхождения так или иначе затрагивается во многих исследованиях по словообразованию в татарском языке [2–4]. Преимущество исследования данного аспекта на материале одного тематического разряда заключается, как нам кажется, в том, что словообразовательные аффиксы выявляются в ходе комплексного изучения многочисленных лексем, объединённых общей тематикой. В результате легче

угадываются мотивирующие основы в лексемах с затемнённой этимологией и ярче проявляются мотивирующие значения.

Проведённый нами анализ лексем, характеризующих человека, даёт возможность выделить словообразовательные аффиксы, связанные с такими языками, как иранские, монгольский и русский. Словообразовательной основой главным образом служат слова тюркского происхождения.

1. Словообразовательные аффиксы, заимствованные из иранских языков

Аффикс *-кәр/-гәр* в диалектах татарского языка образует слова, характеризующие человека, со значением 'склонный к совершению действия, обозначенного основой'. В словах *сүскәр* 'болтун' и *йәтхәр* 'способный, старательный' он, так же как, например, в таджикском языке (*хилакар* 'хитрый' < *хила* 'хитрость'), прибавляется к именным основам: тюрк. *сүс/сүз* 'слово, речь' и ир. *йәт/йәд* 'память, воспоминание'. В результате прибавления данного аффикса к отглагольным основам с именным значением появились диалектальные слова *йиймәкәр* 'умеющий собирать (например, ягоды, орехи)' (< *йий/-жый*- 'собирать' + *-мәк/-мак* или *-ма/-мә* 'название действия') и *кәтмәгәр* 'хороший охотник' (< *кәт*- 'охотиться' + *-мәк* или *-мә* 'название действия'). Другие диалектальные варианты – *сүсмәкәр/сүсмәгәр* 'говорливый, разговорчивый' (< *сүс/сүз* 'слово' + аффикс *-мә*) и *эшмәкәр/эшмәгәр* 'работающий' (< *эш* 'работа' + аффикс *-мә*) – противоречат законам литературного языка, так как аффикс *-мә* прибавлен к именной, а не к глагольной основе. Последние две лексемы можно считать следствием аналогии, вызванной большой употребительностью слов *йиймәкәр* и *кәтмәгәр*. Известно, что в хозяйстве сибирских татар, в языке которых распространены анализируемые лексемы, и охота, и собирательство имели большое значение.

В турецком языке слов, образованных от арабских и персидских именных основ при помощи аффикса *-kar*, намного больше. Из них лишь некоторые заимствованы и употребляются в татарском языке: *хезмәткәр* 'сотрудник, служащий', *сәнгатькәр* 'деятель искусства', *хәйләкәр* 'хитрец' и др. Слово *һавәскәр* 'любитель чего-либо, охотник до чего-либо', активно употребляющееся в татарском языке, в турецком считается устаревшим.

Шемсеттин Сами в своём словаре «Камус-и Тюрки» слово *kar* даёт с пометой «фарси» и пишет, что оно «выражает значения 'делающий, производящий' (*amil*), 'автор, действующее лицо' (*fail*) и 'хозяин, владелец, обладатель' (*sahip*)» (КТ, s. 1137). Примером могут послужить слова *bestekar* 'композитор', *hizmetkar* 'служитель, слуга', *sanatkar* 'артист, деятель искусства'. По мнению турецкого учёного Х. Зюлфикара, «часть слов, образованных при помощи аффикса *-kar*, больше выражают характер, положение, поведение человека, нежели профессию» [5, s. 190]. Следует также отметить, что аффикс иноязычного (иранского) происхождения *-kar* в современном турецком языке постепенно заменяется тюркским вариантом – аффиксом *-ci*, например: *hilekar/hileci* 'хитрец, плут, обманщик', *müsamahakar/müsamahacı* 'снисходительный, терпимый', *ihmalkar/ihmalci* 'небрежный, нерадивый', *nümaişkar/nümaişçi* 'показной, демонстративный', *riyakar/riyacı* 'лицемер, двуличный', *sahtekar/sahteci* 'фальсификатор, обманщик' и др. Часть из них полностью заменена словами турецкого происхождения:

halaskar – kurtarıcı ‘спаситель, освободитель’, *muhafazakar – tutucu* ‘консервативный’, *tahripkar – yıkıcı* ‘разрушительный, подрывной’ [5, s. 190].

Аффикс **-дар**, персидский по происхождению, совпадает по значению с тюркскими продуктивными аффиксами *-лы/-ле* и *-чы/-че*. Названные тюркские аффиксы настолько сильны и активны, что не оставляли возможности аффиксу *-дар* участвовать в процессе образования новых слов от тюркских основ. Следовательно, этот аффикс встречается в татарском языке лишь в заимствованных словах: *хэбэрдар* ‘осведомлённый’ (< *хэбэр* ‘известие’), *диндар* ‘религиозный’ (< *дин* ‘религия’) и т. п. В некоторых других тюркских языках, например в узбекском языке, аффикс *-дор* образует новые слова и от тюркских основ: *ярадор* ‘раненый’ < *яра* ‘рана’.

В турецком языке *-dar/-tar* иногда также прибавляется к турецким основам: *emektar* ‘хорошо знающий своё дело; труженик’, *bayraktar* ‘знаменосец’ и др. [5, s. 189]. По мнению Шемсеттина Сами, этот аффикс восходит к отглагольному имени от персидского *данистен* и выражает значение ‘быть хозяином, обладать, подчинять своей власти’: *hazinedar* ‘ведущий учёт расходов’, *maldar* ‘зажиточный, состоятельный’, *defterdar* ‘заведующий финансами’ (КТ, s. 597). В современном турецком языке часть этих слов полностью заменена турецкими синонимами: *pişdar* > *öncü* ‘инициатор, предводитель’, *mihmandar* > *konukçu* ‘принимающий гостей’ и др. В некоторых образованиях заменён лишь аффикс (*-dar* > *-ci*): *veznedar* > *vezneci* ‘казначей, кассир’, *sermayedar* > *sermayeci* ‘капиталист’ и др. [5, s. 189].

Аффикс **-бат/-бэт (-мат/-мэт)** прибавляется в основном к именным основам, например: тат. д. *тəсбəт* ‘безобразный’ (< *тəс* ‘цвет лица, вид’), тат. д. *карабат* ‘с дурным характером’ (< *кара* ‘чёрный; плохой’), *кирəмəт* ‘упрямый’ (< *кире* ‘обратный, обратно’), *үлəбəт/үлəмəт* ‘очень худой, нездоровый (человек)’ (< *үле* ‘мертвый’) и *əстəрəбəт* ‘потаскуха’ (< *əстəрəлбəт* < *əстəрə-* ‘волочить’) и т. д. Мы предполагаем, что аффикс *-бэт* имеет генетическую связь с персидским словом *бэд* ‘плохой, скверный’.

В говорах татарского языка встречается аналогичное явление, когда к слову с отрицательной оценкой человека для усиления выраженного значения прибавляется ещё одно слово с негативным оттенком. В функции постпозитивных элементов в этих конструкциях встречаются такие слова, как *тəре*, *керич/крич* ‘крест’, *чукынган* ‘крестившийся’, негативный оттенок которых является метафоричным, ср.: *кире тəре* ‘проклятый упрямец’ (< *кире* ‘обратный, обратно; упрямый’ и *тəре* ‘крест’), *дивана керич* ‘конченный дурак’ (< *дивана* ‘сумасшедший’ и *керич* ‘крест’), *алдакчы чукынган* ‘заядлый обманщик’ (< *алдакчы* ‘обманщик’ и *чукынган* ‘крестившийся’) и т. п. Данные лексемы и оттенок в их значениях, по всей видимости, отражают представления татарского народа, подвергавшегося в XVI – XIX вв. насильственному крещению. Причиной тому, что многие постпозитивные слова со временем начинают восприниматься носителями языка в качестве аффиксов, прежде всего, как нам кажется, является сложность семантической интерпретации этих слов на материале данного языка. Они могут быть древними, устаревшими или же заимствованными словами, как, например, слово *бэд* (< перс. ‘плохой, скверный’), и в языке обычно самостоятельно не употребляются.

2. Словообразовательные аффиксы, связанные с монгольским языком

Аффикс *-гай/-кай* встречается в таких словах, как тат. л. *сулагай* ‘левша’ < *сулла-* (ср. *уңлап-суллап* ‘справа и слева (совершать какое-либо действие)’) < *сул* ‘левый’+ *-ла* (глаголообразующий аффикс), *юмакай* (тат. д. *йумакай/юмагай/жумакай*) ‘лестивый’ < *ю(мак)-* ‘мыть’+ *-гай* (ср. выражение *теле белән юа* (*юып төшерә*) букв. ‘смывает языком’, то есть ‘словами утешает, уговаривает, льстит и т. п.’), *аумакай* ‘беспринципный, шаткий, колеблющийся’ < *ау(мак)-* ‘повалиться, свалиться’; тат. д. *елмагай* ‘улыбчивый’ < *елмай-* ‘улыбаться’ и т. д. О происхождении аффикса *-гай* в тюркологии имеются разные мнения. «Г.И. Рамстедт относит его к монгольскому языку. По мнению Н.А. Баскакова, он произошёл от аффикса *-ган/-гән*. Исследователь карачаево-балкарского языка М.А. Хабичев связывает его с уменьшительным значением. Факты татарского языка показывают, что у *-гай* не наблюдается значения уменьшительности. Структурно он выделяется лишь в слове *ялагай* ‘подлиза’» [3, б. 75].

Мы склоняемся к мнению, что данный аффикс имеет связь с монгольским языком, где аффикс *-гай/-гий, -хой, -хай/-хий* активно образует слова, характеризующие человека, например, *шамдгай* ‘старательный’ (< *шамдах* ‘стараться’), *шунахай* ‘алчный, жадный’ (< *шунах* ‘быть жадным’), *чадамгай* ‘ловкий, искусный, умелый’ (< *чадах* ‘мочь, уметь’), *залхай* ‘ленивый, нерадивый’ (< *заллах* ‘томиться (от однообразного движения и т. п.)’), *шийдэмгий* ‘решительный’ (< *шийдех* ‘принимать решение’), *цангамтгай* ‘быстро ощущающий жажду’ (< *цангах* ‘испытывать жажду’) и мн. др.

Как видим, в современном монгольском языке аффикс *-гай* от глагольных основ (иногда через аффикс *-амт/-эмт, -ам/-эм*) образует прилагательные. В туркменском (*батыргай* ‘смелый, храбрый’ < *батыр* ‘богатырь’) и киргизском (*бажгагай/балжгагай* ‘широколицый’, *багнагай* ‘грузный, толстый, неуклюжий’, *бокчогой* ‘коренастый’ и др.) языках *-гай* также образует прилагательные. В татарском языке имеются лексические параллели с монгольским языком, где выделяется формант *-гай*: тат. л. *сулагай* (монг. *солхой*) ‘левша’ при тат. *сул* ‘левый’, монг. *солгой* ‘левый (о руке)’, *комагай* ‘алчный’ (монг. *хомхой* ‘жадный, алчный’) при монг. *хомс* ‘мало, скудно’, *болагай* ‘дебошир’ (монг. *булхайч* ‘мошенник’, *булхай* ‘жульничество, плутовство (в игре)’) при монг. *булай* ‘отвратительный’.

Следует отметить, что в древнетюркских языковых памятниках в значении ‘левша’ зафиксирована лексема, не имеющая аффикса *-гай*: *solamıq* (ДТС, с. 508). Слово *комагай* и его варианты *комсыз, комсык* ‘жадный, алчный’, вероятно, имеют корень *ком* (< монг. *хом*, ср.: *хом голзолго* ‘жадность, корыстолюбие’, *хомхой* ‘жадный, алчный’, *хомхойдох* ‘быть слишком жадным, прожорливым’, *хомголзох* ‘быть жадным, корыстолюбивым’, *хомс* ‘скудно, мало’, бур. *хомкой/хомгуй* ‘жадный, алчный’). Вариант сиб. тат. *комсык*, как мы предполагаем, имеет тюркский словообразовательный аффикс *-сы* в значении ‘считать таковым’: *комсык* < *ком* + *-сы* + *к* ‘считающий недостаточным, стремящийся получить больше’, а *комсыз* является результатом «народной» этимологии: путём прибавления аффикса *-сыз* было подчеркнуто отрицательное значение ‘не имеющий’, то есть плохое качество человека. В сравнении с хакасским языком

обнаруживаем, что хак. *азымахчы* ‘алчный, жадный’ также образовано от *ас*, *асхынах* ‘мало’.

Мы предполагаем, что корень *яла-* в слове *ялагай* ‘подхалим’ имеет генетическую связь с глаголом *ялын-* ‘умолять, просить’ (< *яла(ы)* + *-н*), ср. монг. *шалах* ‘упрашивать, вымаливать’, к.балк. *джалынчакъ* ‘подлиза; умоляющий’, *джалынмакъ* ‘умолять’. В кумыкском языке слово *ялагъай* означает и ‘лентяй, лодырь’, и ‘лстец, подхалим’. В киргизском языке *жалакай*, внешне совпадающее со словом *ялагай*, означает ‘невыносливый, неспособный что-либо делать’: *ишке жалакай* ‘неработоспособный, лентяй, лодырь’. Очевидно, что мы здесь сталкиваемся с омонимией: *жалакай/ялагъай* в значении ‘лентяй’ восходит к глаголу тат., башк. *ялык-*, чув. *йалах* ‘утомляться, уставать’. По мнению В.В. Радлова, *йалкау/жалкау* ‘ленивый’ восходит к «*кiр.*» (то есть каз.) *жалык-* ‘иметь отвращение от дела, быть ленивым’ (Р., т. IV, ч. 1, с. 38). Любопытно, что в монгольском языке, так же как в тюркских языках, слова *залхай/залхуу* ‘ленивый’ имеют общий корень с глаголом *залхах* ‘томиться; отвыкать’. Мы допускаем, что в тюркских языках Волго-Уральского региона в далёком прошлом в значении ‘ленивый’, вероятно, использовался вариант *йалагай/йалыгай* < *йалык* + *гай*, так как именно эта форма была заимствована марийским языком: *йалахай* ‘лентяй’ (МРС, с. 27).

В диалектах сибирских татар (тобольский говор) встречаются слова *капшагай* ‘тщеславный’ и *капшау* ‘быть тщеславным’. В барабинском диалекте, однако, *капшагай* употребляется в значении ‘худощавый’. В сибирских тюркских языках лексема функционирует в следующих значениях: алт. д. *капшагай* ‘быстрый, скорый’ (Верб., с. 127), тув. *капшагай* ‘проворный, ловкий, быстрый’, ср. также ног. *капсагай* ‘торопливый, суетливый’. Указанные лексем семантически не соотносимы и, вероятно, являются омонимами. Значение ‘проворный’ могло образоваться от монгольского слова *хав* ‘ловкость, проворность’ (монг. *хавтай* ‘ловкий, проворный’) с окончанием *-ша (-шы) / -са (-сы)*. В тувинском языке, например, аффикс *-шы/-ши* образует глаголы от именных основ: *элбекиши* ‘становиться изобильным’ [6, с. 666]. А значение ‘тщеславный’ у слова *капшагай*, видимо, появилось под влиянием других, близких по фонетическому облику и семантике слов, ими могли быть тат. л. *кушы* ‘щёголь’, тат. д. *кунык* ‘надменный’.

В литературном языке употребляется парное слово в собирательном значении *ярлы-ябагай* ‘всякие бедные люди, беднота’, второй компонент – *ябагай* – в самостоятельном употреблении считается устаревшим (ТТАС, т. 3, б. 617). Лексему *ябагай* Р.Г. Ахметьянов связывает с монг. *йабу-гай* ‘пеший’ (ТТЭС, б. 260). В современном монгольском языке имеются лексем *явган* ‘пеший’, *явгарах* ‘лишаться лошади’ и *явах* ‘ходить, идти, ехать, ездить’. В томском диалекте встречается слово *йабакай* ‘остроумный’, которое, как мы считаем, восходит к *яп-/жап-* ‘закрывать, затворять’ и связано с фразеологизмом *авызын ябу (кап-лау, томалау)* ‘заставить замолчать’ (букв. ‘закрывать рот’), ср. кирг. *жаагын* (или *оозун*) *жап кыл-* ‘заткнуть кому-либо рот, не дать говорить’ (букв. ‘закрывать рот, сомкнуть челюсть’).

Слово *абагай*, имеющее в татарском языке семантику ‘горячий, суетливый, неосторожный’, встречается и в диалектах башкирского языка, где оно значит

‘вспыльчивый’ (Bhh, б. 13). Такие примеры, как тат. *әпән-тәпән* ‘поспешно, без оглядки’ (Р., т. I, ч. 2, с. 918), кирг. *апыл-тапыл* ‘торопливо, проворно’, а также каз. *әбігер* ‘суетливый’, подсказывают, что когда-то существовал некий древний корень *ән/әб(ә)/аб(а)* со значением ‘торопиться, торопливость’. Предполагаемый корень зафиксирован в словаре В.В. Радлова как крымско-татарское, османское, уйгурское слово *әв* ‘спешить’: *бири әвсә, бири амуллуқ тиләр* (уйг.) ‘один спешит, а другой желает спокойствия’; *әвмәйлә йол алынмаз* (осм.) ‘поспешив, не найдёшь дорогу’ (Р., т. I, ч. 2, с. 940); *әбә кылмыш ишиләр өгүнчи пилин* (уйг.) ‘дело, совершённое поспешно, причинит раскаяние, знай’ (Р., т. I, ч. 2, с. 918), *ив* (осм.) ‘спешить’, *әви/иви* ‘поспешность’ (Р., т. I, ч. 2, с. 1570). В современном турецком языке *iv-* (*ivmek*) употребляется в значении ‘спешить, торопиться’, *ivesen/iveşen* ‘торопливый, нетерпеливый’.

Аффикс *-гай* выделяется и в словах *ларгай* ‘болтун, говорун’ (< *лар* ‘звукоподражание говорению’) и *урагай* ‘врун’. Согласно В.В. Радлову, слово *урау* ‘обман’ было зафиксировано в словаре Троянского (Р., т. I, ч. 2, с. 1651). *Алакай* ‘нескромный, не знающий предела в своих словах и поступках’ образовано от *ала* + *-кай*, ср. тат. д. *алагайымга* ‘слишком, чересчур’. Лексема *ала* ‘пёстрый’ в результате семантического развития в кыпчакских языках приобретает значение ‘плохой’ (ср. тат. л. *алама* ‘плохой, дурной; изорванный, рванный; мусор’): кум. *ала* ‘пёстрый, пятнистый’, перен. ‘недружный, несогласный’. В киргизском языке *ала* имеет переносные значения ‘рознь, несогласие, разлад, раздор’, от него, видимо, образуется *алабарман* ‘безалаберный (о человеке); неровный, срывающийся (о беге коня)’. Во фразеологических единицах *ала йөрөк / ала күңөл* (букв. ‘злое сердце / злая душа’) ‘двуличный, злонамеренный’, *ала кош* (букв. ‘злая птица’) ‘невоспитанный, непорядочный’, *ала күз* (букв. ‘злой глаз’) ‘тот, кто смотрит на других враждебно’ (НИ, т. 1, б. 56–57) также проявляется переносный смысл слова *ала* ‘плохой, недобрый’, ср. каз. *алагай-былагай* ‘беспорядок’, кир. *алагай көз* ‘большие глаза’ и т. п. Диалектное слово *йааштакай* ‘подхалим’ образовано при помощи того же окончания *-кай/-гай* предположительно от глагольной основы *йаашта-*, которую можно сопоставить с кирг. *жаста-* ‘подложить кому-либо подушку’.

Аффикс *-ат/-эт, -ыт/-ет, -т* встречается в литературном слове *үжәт* ‘упрямый, настырный’ (< *өс* ‘месть, гнев’, *өсәз* ‘вражда, соперничество’ (ДТС, с. 376)) и диалектальных словах *мокыт* ‘глупый, невежда’ (ср. сиб. *мок* ‘смирный, тупой’), сиб. *олагат* ‘болтливый’ (< *олак-/олаг-* (*олагу*) ‘рассказывать с восторгом, преувеличивать’), *эләңкет* ‘обессилевший, измотанный’ (< *эләңке* (*эленке*) ‘обвислый’, ср. тат. разг. *эленке-салынкы* ‘вяло’) и др. Данный словообразовательный аффикс, вероятно, также отражает влияние монгольского языка. Мы предполагаем, что слово *мокыт* (корень *мок-/мох-*) монгольского происхождения: ср. монг. *мохоо* ‘тупой’, *мохдог* ‘тупоголовый; бездарный’. Аффикс *-т* в монгольском языке является продуктивным формантом, образующим прилагательные от именных основ: *эвт* ‘дружный’ < *эв* ‘дружба; согласие, мир’, *сахалт* ‘бородатый’ < *сахал* ‘борода’, *нойрт* ‘сонливый’ < *нойр* ‘сон’ и др.

Аффикс *-мал*, заимствованный из монгольского языка, встречается редко: тат. л. *дуамал* ‘поступающий необдуманно; несдержанный, неуравновешенный по характеру’, тат. д. *татымал* ‘пожилой, опытный’, *цыдамал* ‘выносливый’.

В современном монгольском языке аффикс *-мал* (*-мэл*, *-мол*) образует прилагательные от глагольных основ: *бичмэл* ‘писанный, рукописный’ < *бичих* ‘писать’; *бордмол* ‘откормленный; удобренный’ < *бордох* ‘откармливать; удобрять’; *будмал* ‘крашенный’ < *будах* ‘красить’; *дэвсмэл* ‘настланный; мощёный’ < *дэвсэх* ‘настилать, мостить’; *зурмал* ‘нарисованный’ < *зурах* ‘рисовать’; *малтмал* ‘ископаемый’ < *малтах* ‘копать, рыть’; *наамал* ‘приклеенный’ < *наах* ‘клеить, приклеивать’; *чанамал* ‘варёный’ < *чанах* ‘варить’ и мн. др.

В основе лексемы *дуамал*, как мы предполагаем, лежит слово *дуw/ду*, которое, вероятно, по происхождению является звукоподражанием. Элемент *-а* мог появиться под влиянием удлинённого *уу/уw*. В кумыкском языке указанное слово в корневой форме (то есть без каких-либо аффиксов – *дуv*) выражает значение ‘буйный, бешеный’. Во многих кыпчакских языках *дуv/ду* образует новые слова: тат. л. *дула-* ‘гудеть, шуметь (о природных явлениях); брыкаться (о лошади); горячиться, буйствовать (о человеке)’; *дуvылда-* ‘резко дуть (о сильном ветре, метели)’, ‘резко двигаться, горячиться (о человеке)’; ног. *дуvлав* ‘приходить в ярость’, *дуvлак* ‘горячий, дикого нрава (о лошади)’; кум. *дуvламакь* ‘буйствовать, буйнить’; кирг. *дуу* ‘шум, гул, гвалт; побоище’, *дуула* и *дуулда-* ‘гудеть, шуметь’.

Слова, образованные при помощи аффикса *-мал*, встречаются в киргизском языке (например, *окумал* ‘грамотный’, *жашамал* ‘пожилой’ и др.). В тувинском языке *-мал* (*-ымал*) является активным аффиксом словообразования имён прилагательных от глаголов [6, с. 653]. Эти языки долгое время и тесно контактировали с монгольским языком, поэтому указанное явление в них может объясняться монгольским влиянием. В слове *татымал* (сиб.) ‘пожилой, опытный’ выделяется корень *тат-* или *таты-*. Вероятно, оно является тувинским словом (ср. тув. *дадык-* перен. ‘закаляться’, замена звонких глухими парами – характерное явление для сибирско-татарских диалектов). В среднем диалекте татарского языка *татымал* означает ‘толстый (о предметах)’ (ТТЗДС, б. 612). Можно предположить, что значение ‘толстый’ у него появилось по такому же пути семантического развития, что и у слова *юан*.

В диалектах сибирских татар *йован* употребляется в значении ‘взрослый’ (ТТЗДС, б. 251). В литературном татарском языке *юан* означает ‘толстый’, а в сибирско-татарских диалектах кроме указанного оно имеет ещё такие значения, как ‘большой, огромный, взрослый’: *йоуан өй* ‘большой дом’, *йоуаннар* ‘взрослые’. В алтайском языке *йаан* означает ‘старший’: *йаанның куунун йандырба* ‘не огорчай старших’, *йоон* ‘толстый’. В словаре В. Вербицкого даны следующие лексемы: алт. *јаан* ‘большой, старший’, *јаан аң* ‘слон’ (*аң* ‘животное, зверь’) (Верб., с. 59). Не исключено, что близкие по семантике и фонетической структуре слова *йаан* и *йоон* берут своё начало от древнетюркских лексем *jogan*, *jogun* ‘толстый, крупный’ и *jagan* ‘слон’ (ДТС, с. 269–270, 224). Кроме того, весьма любопытной является лексическая параллель в монгольском языке: *зузаан* ‘толстый’, *заан* ‘слон’.

Аффикс *-мал* встречаем ещё в одном слове диалектов сибирских татар – *цыдамал*, которое употребляется наряду со словом *цыдау* в значении ‘выносливый’ (ТТЗДС, б. 718). Литературным вариантом является слово *чыдамлы*, образованное от производной основы (глагол *чыда-* ‘терпеть, выдержать, выстоять’ +

аффикс -м) при помощи аффикса -лы. Слова *чыдам*, *чыдамлы/чыдамсыз* употребляются во многих тюркских языках: кум., к.балк. *чыдамлы/чыдамсыз*, ккалп. *шыдамлы/шыдамсыз* ‘выносливый, терпеливый’ / ‘невыносливый, нетерпеливый’; кирг. *чыда-* ‘терпеть’, *чыдам* ‘терпение’, *чыдамдуу/чыдамкай*, уйг. *чидамлик/чидимлик*, узб. *чидамли*, тув. *шыдамык*, чув. *чатамла* ‘выносливый, стойкий, терпеливый’ и др. Оно также имеет параллель в монгольском языке (монг. *чадах* ‘мочь, быть в состоянии’, *чадал* ‘мощь, сила’, *чадалтай* ‘сильный, мощный’), а в тюркских языках огузской группы отсутствует.

В заказанских говорах татарского языка в речи пожилых людей функционирует выражение со словом *чедә*, произносимое ими во время стрижки овец, чтобы успокаивать встревоженное (обычно молодое) животное: *Чедә, атананан коласы* (л. *атаң-анаң йоласы*). Мы предполагаем, что эта форма является повелительным наклонением глагола *чыда-/чедә-*, то есть данное выражение в переводе значит ‘Терпи, [это] обряд твоих родителей [предков]’. Несмотря на то что палатальность сделала слово трудно узнаваемым, контекстуальное значение и тема (овцеводство как древний вид хозяйственной деятельности у тюрков) позволяют распознать в нём лексему *чыда-* ‘терпеть, выдержать’.

3. Словообразовательные аффиксы, заимствованные из русского языка

В лексике, характеризующей человека, образование новых слов от тюркских основ с аффиксами русского языка почти отсутствует. Единственным примером может служить диалектальная лексема *алыйрник* ‘любящий брать взятку’, которая образована от глагола *ал-* ‘брать’ (*алыр* ‘берущий’) при помощи аффикса *-ник*, являющегося активным словообразовательным формантом в русском языке.

Таким образом, как показывает детальное изучение лексики, характеризующей человека, с точки зрения аффиксального словообразования, иноязычные аффиксы занимают в ней весьма незначительное место. Выявлено всего семь аффиксов: шесть из них в языке-источнике тоже являются словообразовательными формантами, и лишь один аффикс (*-бәт*) функционирует как самостоятельная лексема. Слова, образованные посредством иноязычных аффиксов, чаще обнаруживаются в диалектах татарского языка, нежели в литературном языке. Это объясняется, во-первых, свободным словотворчеством разговорного языка и строгой нормативностью литературного языка, а во-вторых – более чётким проявлением языковых контактов в диалектах и разговорной речи. Семантический и сравнительно-исторический анализ слов, объединённых в тематические группы и подгруппы, позволяет выделить аффиксы, ранее считавшиеся невычленимыми (*-гай*, *-бәт*, *-мал*), и этимологизировать словообразующие корни или основы.

Список сокращений

алт. – алтайский
башк. – башкирский
бур. – бурятский
д. – диалект
ир. – иранский

ног. – ногайский язык
перс. – персидский
разг. – разговорный
сиб. – язык сибирских татар
тат. – татарский

каз. – казахский	тув. – тувинский
к.балк. – карачаево-балкарский	тюрк. – тюркский
кирг. – киргизский	узб. – узбекский
ккалп. – каракалпакский	уйг. – уйгурский
кум. – кумыкский	хак. – хакасский
л. – литературный	чув. – чувашский
монг. – монгольский	

Summary

A.R. Rakhimova. Foreign Word-Forming Affixes in the Structure of Turkic Lexemes Describing a Person.

The article explores foreign affixes participating in the formation of Turkic words describing a person. The analysis is carried out using the words of the Tatar language in comparison with other Turkic languages. Seven affixes are revealed, including three affixes previously considered as non-encodeable: -gai (-*гай*), -bæt (-*бәт*), and -mal (-*мал*). It is found that six affixes are word-forming in the source language, and only one formant -bæt (-*бәт*) acts as an independent lexeme. This research shows that foreign affixes play an insignificant role in the formation of words describing a person. The only relatively productive affix in this case is -gai (-*гай*), which has a genetic relation to the Mongolian language.

Keywords: Turkic languages, word formation, foreign affix, description of a person, dialectal lexemes.

Источники

- Верб. – *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1884. – 494 с.
- Бһһ – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге: 3 т. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1987. – Т. 3. – 232 б.
- ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- НИ – *Исәнбәт Н.* Татар теленен фразеологик сүзлеге: 2 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – Т. 1. – 495 б.; 1990. – Т. 2. – 365 б.
- OTAVL – Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat. – İstanbul: Ziya Ofset, 1993. – 1081 s.
- Р. – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1911.
- КТ – *Sami Ş.* Kamus-i Türki. – İstanbul: Çağrı Yayınları, 1996. – 1574 s.
- МРС – *Шорин В.С.* Маро-русский словарь горного наречия (черемис). – Казань: Изд. центр. изд. мари, 1920. – 176 с.
- ТТАС – Татар теленен аңлатмалы сүзлеге: 3 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – Т. 3. – 832 б.
- ТТЗДС – Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
- ТТЭС – *Әхмәтъянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
- СДСТ – *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.

Литература

1. *Рахимова А.Р.* Аффиксальный способ образования тюркских лексем, характеризующих человека // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5 – С. 152–165.

2. Татарская грамматика: в 3 т. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – Т. 1. – 584 с.
3. *Ганиев Ф.Ә.* Хэзерге татар әдәби телендә сүзъясалышы. – Казан: Мәгариф, 2009. – 271 б.
4. *Ганиев Ф.А.* Способы словообразования в современном татарском языке // Ганиев Ф.А. Избранные статьи. – Казань: Паравитта, 2010. – С. 174–206.
5. *Zülfikar H.* Meslek adları ve -cı ekinin Türkçedeki işlevleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten. 2007/1. – Ankara, 2010. – S. 173–218.
6. *Сам Ш.Ч.* Тувинский язык (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – С. 613–723.

Поступила в редакцию
24.06.14

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: a.rakhimova@gmail.com